

КОРОТКО О КНИГАХ

*

МАРО МАРКАРЯН. Из огня любви и печали. Книга стихов. Перевод с армянского. М. «Советский писатель». 1989. 159 стр.

Один из сквозных мотивов новой книги стихов Маро Маркарян — тяжесть прожитых лет: «...жизнь, пылавшая когда-то, быть на белом свете устает. Свет души — единственный итог...» Но это не столько жалобы на иссякающее время, сколько осознание обретенных сил, ибо у зрелого возраста свои преимущества, и главное из них — способность видеть мир без розового флера. Опыт, которым наделяет «скупой на счастье жизни грозный ход», не даст ошибиться, не позволит принять погребальную свечу за рождественскую. И еще одно преимущество возраста — знать, о чем стоит писать, а на что жаль тратить силы.

Образный ряд стихов Маркарян почти скуп — камень, вол, ручей, снег, туман, каменная дорога, летящие по ветру листья и лепестки цветов. Ее Армения сурова и скорбна. И так же звучит ее стих: «И каждый божий день — утрата. И что ни шаг — то боль и ярость...» В горечи этих строк не надрыз, а достоинство человека, прожившего непростые времена и обретшего мужество видеть мир без иллюзий. «Поколение наше в инее... Лед пахали, в камень сеяли, все же вырастили суть». «...Боли есть в душе, которые выше радости и дорожке любви...» — душа крепится к миру еще и болью, болью за судьбу народа, за ушедших. В книге — цикл стихов памяти Гургена Маари, одного из самых веселых и светлых армянских писателей, прошедшего дорогами ГУЛАГа; цикл стихов памяти Паруйра Севака, памяти Марии Петровых.

В повторяемости тем и мотивов книги — сосредоточенность на главном, на сущностном. История тяжело прошла по судьбам поколения Маро Маркарян, продолжив ими общую судьбу народа. «История рода», «история Армении» — понятия очень личные для Маркарян. Мысль стихотворения «Что нам осталось от былого?..» с очень важными для поэта строками: «Осталось каменное горе. Осталась каменная вера, которую века железом каленым выжечь не смогли», — могла бы формулироваться и по-другому: вот что останется от нас.

Светом и гармонией исполнены в стихах только детские воспоминания автора, образы деревенской Армении. «Улегся вол на край гумна, и пахнет ладаном копна... Невестки вымели гумно, все подобрали до зерна и стелют белое рядно. А благодатная луна и хлеб омыла, и вола, и грудь невестки молодой в ложбинке, влажной от тепла. И, как улыбка, расцвела для всех сердец и всех судеб и твари божьей и земной. И люди сели у стола, вино и хлеб дела с луной». Эта картина крестьянской жизни грустна и торжественна, как грустен и тор-

жествен лунный свет в отличие от солнечного; по сути, это прощание — в ту жизнь нам уже не вернуться. Для сегодняшней Армении больше подходит другой образ — образ осиротевшей матери, оставленной в доме, где ставни сорваны и сгнили половицы, где от прежней жизни остались одни имена «да пугливое эхо: позови сыновей — и в дому нежилом или в сердце моем — отзовется все то же: «Мы придем еще! Мы придем!» Автор постоянно возвращается мыслью к предкам, к «дедам» с вопросом: «Как — уцелел — не умерли от горя? Неутолимо зло. Добро наивно... Какую силу надобно иметь, чтоб сохранить от порчи и паденья народ — в четвертом поколении и впредь!» Что удерживает и хранит человека в этом мире, «что вечно в мире? Ожиданье. Желание добра — покуда влезает зло во все прорехи...». Это и есть та «каменная вера», о которой пишет Маркарян.

Ее стихи обычно коротки: две-три строфы, десять — пятнадцать строк. Мысль сжата. Для этой лирики подошло бы определение «философская», если бы не его некоторая холодноватость и предполагаемый сдвиг в сторону ratio от непосредственного чувства. А им полны стихи Маро Маркарян.

В воду лепестки
Персик осыпает;
Блеск зелено-синий в озере угас.
Загрустивший мир краски изменяет
В сумеречный час,
В сумеречный час.

(Перевел Д. Самойлов)

Что это? Тонкая зарисовка с натуры? Попытка изобразить движение чувства? Или — движение мысли? И то, и другое, и третье.

...Переводная поэзия — это всегда отраженный звук, всегда эхо. Цитируя стихи Маркарян, я вынужден приводить строки, принадлежащие Самойлову, Леонвичу, Гелескулу, Мориц... И странное чувство испытываешь, когда в давно знакомых голосах этих разных поэтов обнаруживаешь новый звук, объединяющий всех их. Так обретает свое собственное звучание в русской поэзии голос Маро Маркарян. А это уже свидетельство несомненной силы самого источника звука.

Сергей Костырко.

*

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ 89. Стихи, статьи, тексты. М. «Советский писатель». 1989. 509 стр.

ПОРЫВ. Новые имена. Сборник стихов. М. «Советский писатель». 1989. 463 стр.

Можно ли в жестко заданном объеме трех страничек на машинке сказать что-либо существенное о двух однотипных поэти-